

ЗАПИСКИ ЕВРЕЯ.

*Потомство, которое эта книга
оставляет в семье для
наследственной памяти.*

ЗАПИСКИ ЕВРЕЯ

Воскр., 9

Г. ВОГРОВА

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Типографія В. Тушинова, Надеждинская улица, д. № 39

1874

PG 3453

B643 Z2

Потомство, которое эта книга
осталась в семье для
наследственного чтения.
из рода в род. *Борис Владимирович*
1919/31 *Н. Зенитин*

ЗАПИСКИ ЕВРЕЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Мнѣ уже сорокъ лѣтъ. Жизнь моя не наполнена тѣми романтическими неожиданными, которыя бросаютъ читателей въ жаръ и холодъ. Напротивъ того, она очень проста и мелка. За всѣмъ тѣмъ, если-бы я владѣлъ даромъ слова присяжнаго рассказчика, она могла-бы заинтересовать если не всякаго читателя, то, по крайней мѣрѣ, еврейскую читающую публику. Какъ иногда одна капля воды представляетъ вооруженному глазу натуралиста цѣлый микрокосмъ для наблюденій, такъ и узкая тропинка, по которой протащилъ я красную половину своей разнообразной жизни, вмѣщаетъ въ себѣ замѣчательнѣйшія стороны еврейской общественной, религіозной и экономической жизни послѣднихъ четырехъ десятилѣтій, съ ея прямыми и косвенными вліяніями на жизнь каждаго отдѣльнаго еврея. Если-бы удалось мнѣ облечь все то, что я видѣлъ и переживалъ въ теченіи моей жизни, въ соответствующую форму слова, то мои собратья по вѣрѣ живо сознали-бы тотъ особаго рода кошмаръ, который душилъ тяжело спавшій духъ еврея, — кошмаръ, который лишалъ даже возможности облегчить грудь крикомъ или движеніемъ. Но повторяю: я считаю свой трудъ лишь первымъ и, можетъ быть, очень слабымъ шагомъ на томъ пути пробужденія сознанія, который долженъ привести евреевъ къ новой жизни, соответствующей разумной природѣ человѣка.

I.

ОТЦЫ И ПОКРОВИТЕЛИ

Я сказалъ выше, что мнѣ наступилъ нынѣ уже воровкой годъ. Добросовѣстность рассказчика, однакожь, не позволяетъ мнѣ подтвердить это съ достовѣрностью, по неимѣнію къ тому фактовъ. Съ средневѣковыхъ временъ еще евреи привыкли смотрѣть на жизнь, какъ на пытку, а на смерть, какъ на спасительницу тѣла отъ поруганій, а души — отъ смертныхъ грѣховъ. Рожденіе у евреевъ совсѣмъ не считалось такимъ радостнымъ событіемъ, чтобы о немъ помнить. Смерть и похороны семейныхъ членовъ гораздо счастливѣе въ этомъ отношеніи. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что у евреевъ празднуются не дни рожденія, а дни похоронъ, хотя и самымъ грустнымъ образомъ ¹⁾. Да и чему радоваться при рожденіи на свѣтъ новаго страдальца?

Единственный фактъ для опредѣленія моихъ лѣтъ—это мой паспортъ; но онъ, сколько мнѣ извѣстно, такъ-же не точенъ, какъ и его примѣты, нарисованныя воображеніемъ секретаря думы. Я помню цѣлую эпоху въ моей жизни, въ которую секретарь думы называлъ мои глаза пивными, собственно по особенной его любви къ пиву. Лишь по смерти этого добраго секретаря глаза мои были пожалованы въ каріе, и то, кажется, потому, что новый секретарь питалъ особенное уваженіе къ карему цвѣту своихъ лошадей. Лѣта мои, по метрическимъ отмѣткамъ, то стояли на одномъ пунктѣ, то подвергались приливу и отливу, смотря по обстоятельствамъ. До записки меня въ ревизскую сказку я долгое время совсѣмъ еще не родился ²⁾, а существовалъ не въ зачетъ. Потомъ долгое время считался груднымъ ребенкомъ. Когда мнѣ наступилъ, по вычисленію моей матери, пятнадцатый годъ и когда мои родители

¹⁾ Ежегодно, въ день похоронъ близкихъ родственниковъ, евреи зажигаютъ свѣчи, какъ эмблему души усопшаго, молятся въ синагогахъ за упокой, а ныне даже постятся. Въ эти грустные дни не допускаются никакія душевныя и тѣлесныя наслажденія.

²⁾ Общества евреевъ, большею частью, состояли изъ пролетаріевъ-паразитовъ, которые не только не были въ состояніи отбывать подушную и прочія повинности, но и самое свое существованіе поддерживали на счетъ обществъ. Это понуждало общества стараться, всѣми неправдами, уменьшать численность своихъ членовъ по ревизскимъ сказкамъ, скрывая, по возможности, число родившихся незадолго до ревизіи.

начали серьезно задумываться, какъ-бы скорѣе покончить съ моею холостой жизнью, я вдругъ выросъ по метрическимъ книгамъ до восемнадцати лѣтъ ¹⁾. Совершеннолѣтіе мое, однакожъ, продолжалось не болѣе полугода послѣ женитьбы, потому что рекрутскую повинность начали отбывать по числу совершеннолѣтнихъ членовъ семейства. Было необходимо толкнуть меня назадъ, и я вдругъ опять сдѣлался шестнадцатилѣтнимъ. Въ этомъ возрастѣ я оставался около двухъ лѣтъ. Въ промежуткѣ этого времени большое семейство наше разбилось на нѣсколько маленькихъ семействъ ²⁾, и

¹⁾ Евреи тогдашняго времени до такой степени строго выполняли заповѣи Егвы: „плодитесь и множитесь“, что имѣли обыкновеніе сочетать бракомъ малолѣтнихъ дѣтей, неразвившихся еще даже физически. На каждомъ шагѣ встрѣчались пятнадцатилѣтніе отцы семействъ, обучавшіеся еще въ еврейскихъ школахъ, и матери, игравшія въ куклы. Правительство обратило, наконецъ, вниманіе на эту аномалію и указомъ воспретило раввинамъ вѣнчать юношей, недостигшихъ восемнадцатилѣтняго возраста, а дѣвицъ моложе шестнадцати лѣтъ. Ужасъ объялъ евреевъ при этой страшной вѣсти: они смотрѣли на эту мѣру, какъ на прямое посягательство на главный догматъ вѣры. Страшную эпоху эту евреи прозвали „Бегудесъ“, т. е. смуты. Оставалось единственное средство — обойти законъ, прибѣгнувъ къ хитрости. Нѣкоторые, при первой вѣсти объ изданіи указа, сочетали дѣтей даже семействомъ. Неуспѣвшіе-же сдѣлать этого до обнародованія указа платили щедро кому слѣдуетъ, и метрическія книги, и свидѣтельства переправлялись искусными руками, такъ что сотни малолѣтнихъ достигали вдругъ, по милости чиновниковъ, совершеннолѣтія, опредѣленнаго для вступленія въ бракъ.

²⁾ Самымъ страшнымъ бичемъ была для евреевъ въ то время рекрутская повинность. Въ рекруты принимались и малолѣтнія дѣти, которыя, до совершеннолѣтія и вступленія въ дѣйствительную службу, разсылались по отдаленнымъ пунктамъ Россіи, отдавались на прокормленіе колонистамъ и поселенцамъ или помѣщались въ кантонистскія школы для обученія. Дѣти эти терпѣли жестокія мученія отъ пьяныхъ дядекъ-солдатъ и отъ грубыхъ хозяевъ, обращавшихся съ *жиденятами* какъ съ животными. Многія изъ этихъ несчастныхъ дѣтей погибали въ пути отъ холода, жестокаго обращенія, истощенія и болѣзней или умирали въ глуши гдѣ-нибудь еще до вступленія въ военную службу. Многіе добровольно и поневолѣ измѣняли своей религіи. Къ фронтовой службѣ еврейскіе солдаты рѣдко допускались; ихъ помѣщали въ оркестры, швальни, канцеляріи или опредѣляли деньщиками къ офицерамъ. Весьма естественно, что евреи искали средствъ уклоняться отъ рекрутчины. Родныя матери собственноручно калѣчили своихъ любимыхъ дѣтей, чтобы сдѣлать ихъ негодными къ военной службѣ. Денежники нанимали охотниковъ или вступали безъ всякой надобности въ купеческое сословіе, свободное отъ рекрутской повинности; большія шѣданскія семейства разбивались на нѣсколько маленькихъ семействъ. Всѣ эти маневры и переходы требовали согласія обществъ, а потому обходились очень дорого. Коноводы обществъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, грабили несчастныхъ и высасывали ихъ, какъ пѣвки. Во всѣхъ еврейскихъ посадахъ и поселеніяхъ

рекрутская очередь отдалилась от насъ опять на нѣсколько лѣтъ. Любовь моихъ родителей заставила сдѣлать новый и послѣдній скачекъ, и вотъ я внезапно выросъ до двадцати двухъ лѣтъ. „Еще нѣсколько лѣтъ—и мой Сруликъ не годится уже въ солдаты!“ воскликнула моя мать, прижимая меня къ сердцу, и я вполне сочувствовалъ ея радости.

Когда отецъ мой женился на моей матери, онъ былъ молодымъ вдовцемъ послѣ первой жены, съ которой развелся. Отецъ мой остался круглымъ сиротой въ самомъ раннемъ возрастѣ дѣтства. Отецъ и мать его скончались отъ холеры, оба почти въ одинъ и тотъ-же день. Утверждали, что бабушка моя умерла не отъ холеры, а отъ любви къ мужу, котораго не могла пережить, но такъ-какъ у старосвѣтскихъ евреевъ, особенно хасидимской секты ¹⁾, любви, даже

встрѣчались оборванные нищѣ въ рубищахъ, существовавшіе однимъ подаишемъ и считавшіеся по паспортамъ купцами или купеческими сыновьями. Эти нищѣ собирали круглый годъ копейки, чтобы къ концу года образовать изъ этихъ копеекъ сумму для взноса гильдейской повинности.

¹⁾ Религіозная сторона евреевъ въ Россіи отдѣляется тремя кастами: блорусскими хасидимами (добродѣтелями), польскими хасидимами и миснагами (противниками). Для читателей, незнакомыхъ съ сектаторствомъ евреевъ, я кратко поясню свойства этихъ кастъ. Миснаги суть пуритане евреевъ. Они читаютъ ветхій заветъ и благоговѣютъ предъ талмудомъ. Исполняютъ безъ всякихъ толкованій самомаѣйшія религіозныя обрядности и не уклоняются отъ древнихъ обычаевъ. Это люди религіозно-честные, серьезные, далекие отъ ханжества и подраски. Между миснагами и хасидимами существуетъ постоянная, ничѣмъ неугасимая вражда, выражающаяся нерѣдко кулачною расправою. Хасидимы вообще составляютъ странную смѣсь еврейзма, пнеагорщины, діогеницизма и крайняго динизма. Большею частью они тунеадствуютъ, насажая собою синагоги. Проводятъ всю жизнь въ хасидимскихъ кружкахъ, толкуя о каббалистическихъ тонкостяхъ и разжигая свою фантазію непотрѣнными спиртуозными возмѣшаніями, оставляя свои многочисленныя семейства на плечахъ простаковъ-единовѣрцевъ, слѣпо вѣрующихъ въ аристократичность душъ пьяныхъ хасидимовъ. Безбрачность у хасидимовъ не встрѣчается: у каждого изъ нихъ жена и цѣлая куча маленькихъ оборвышей. Несмотря, однакожъ, на склонность хасидимовъ къ брачной жизни, у нихъ жены играютъ ту-же самую унизительную роль, какъ и у дикихъ. Хасидимъ почти не смотритъ и не разговариваетъ съ своей женой, несчастной половиной, принимаетъ-же онъ ея ласки лишь *подъ вліяніемъ божескаго навожденія*, какъ выражаются хасидимы. На жену возлагаются всѣ тягостныя домашнія работы и заботы о существованіи, въ то время, какъ мужъ витаетъ въ надзвѣздныхъ сферахъ. Чѣмъ грязнѣе и неопрятнѣе наружность хасида, тѣмъ святѣе онъ считается. Онъ уклоняется отъ различныхъ религіозныхъ обрядовъ, подъ разными предлогами, и ему это не вменяется въ преступленіе, какъ всѣмъ прочимъ евреямъ: „Вѣроятно, такъ нужно“, говорятъ евреи: „куда намъ понимать его!“ Обыкновенно хасидъ не имѣетъ понятія ни о грамматикѣ

въ законномъ смыслѣ, не полагается (любовь есть увлеченіе, и увлеченіе абсолютно тѣлесное, а слѣдовательно—постыдное, недостойное каббалистки), то дѣло и было свалено на холеру. Отецъ мой былъ принятъ въ домъ богатаго и бездѣтнаго дяди, гдѣ онъ и получилъ свое состояніе.

Въ тогдашнее время, особенно въ литовскихъ и польскихъ городахъ и посадахъ, всѣ евреи учились по одному образцу. Всѣ одинаково проходили несвязную систему ученія еврейскихъ мелаamedовъ¹⁾. Всѣхъ одинаково заставляли ломать голову надъ кудрявыми комментаріями, не понимая общаго смысла текста²⁾. Всѣмъ оди-

древне-еврейскаго языка, ни объ еврейской литературѣ. Хасиды—это еврейскіе спириты. Они вѣрують переселенію душъ въ людей и животныхъ. Еврейская каббала, составляющая главный предметъ изученія для этой касты, имѣетъ мистическій характеръ. Это мудрое ученіе построено на такомъ паутинномъ фундаментѣ, что, при малѣйшемъ дуновеніи здраваго разсудка, все зданіе падаетъ и превращается въ прахъ. Но тѣ, которые не высмотрѣли во-время ложныхъ основаній этого ученія, находятъ въ дальнѣйшей его постройкѣ нѣкоторую систематичность и послѣдовательность и гоняются за этимъ пестрымъ умственнымъ миражемъ всю жизнь. Польскіе хасидимъ еще болѣе невѣжественны, хотя и чистоплотнѣе. Это знахари и чудотворы еврейской націи. Они даже не утруждаютъ себя изученіемъ каббалы. Вся сила, импонирующая въ нихъ еврейскую публику, заключается въ арлекинскихъ ихъ костюмахъ, въ какихъ-то нечеловѣческихъ звукахъ, столахъ и гримасахъ, обнаруживающихся во время молитвы и даже разговоровъ самыхъ обыденныхъ. Къ нимъ стекаются цѣлыя толпы евреевъ для исцеленія индულгенцій, для излеченія отъ всякаго рода недуговъ; къ нимъ обращаются еврейки для излеченія отъ безплодія, и надобно отдать имъ справедливость—въ этомъ отношеніи они творятъ чудеса.

¹⁾ Мелаамедъ или учителя въ прежнее время не подвергались никакому предварительному экзамену; кто хотѣлъ, тотъ и дѣлался мелаамедомъ, лишь-бы умѣлъ мурлыкать немного по-еврейски и носилъ набожную образину. Если дѣла какого-нибудь спекулянта-еврея запутывались до безвыходности, онъ тотчасъ хватался за ремесло учителя. По этому поводу сложились даже анекдоты. Какой-то отецъ, нѣжно любившій своего сына и убѣдившійся, что этотъ сынъ полнѣйшій идиотъ, сдѣлалъ ему слѣдующее наставленіе: „Сынъ мой! капиталовъ у тебя нѣтъ, умомъ Богъ обдѣлилъ тебя, ремеслу ты не научился, грамоты не знаешь, писать и говорить не умѣешь, что-же съ тобой будетъ? Послушайся отца, не трать времени, ступай и будь мелаамедомъ“.

²⁾ Какъ дико должно показаться всякому мало-мальски образованному чело-вѣку, если ему скажутъ, что можно окончить весь университетскій курсъ наукъ въ русской академіи безъ всякаго знанія русскаго языка! Тѣмъ не менѣе, у евреевъ еще до сихъ поръ приступаютъ къ зубренію кудряваго талмуда, не имѣя ни малѣйшаго понятія ни о языкѣ талмудейскомъ, ни объ его грамматикѣ, а между тѣмъ талмудъ составляетъ—по понятію евреевъ—энциклопедію всей премудрости міра сего.

наково преподавался талмудъ, для пониманія котораго способны только рѣдкія натуры. Всѣ одинаково напивались наукой при помощи толчковъ и пинковъ.

Сказать какому-нибудь отцу, что его хилый, золотушный сынишка не рожденъ для пониманія тонкостей талмудейскаго ученія, значило его осрамить и лишиться его милостей навсегда. Какому же меламеду могла придти охота подвергнуться такой непримиримой враждѣ? Поэтому меламеды, терзая несчастныхъ учениковъ въ стѣнахъ хедера, аттестовывали ихъ предъ родителями съ самой лучшей стороны. А изъ этого выходило, что родители благодарили меламедовъ, а меламеды, оставаясь довольны родителями, раздавали ученикамъ-мученикамъ двойную порцію побоевъ, чтобы выжать изъ нихъ что-нибудь. Путаница эта продолжалась очень долго, и изъ-подъ колотушекъ выдвигалось новое поколѣніе, истощенное тѣломъ, робкое, пугливое, забитое, съ совершенной пустотой въ головѣ и сердцѣ.

Отецъ мой былъ исключеніемъ между своими сотоварищами по хедеру. Одаренный отъ природы способностью быстро пониманія, порядочной памятью и терпѣніемъ, онъ въ восьмилѣтнемъ уже возрастѣ удивлялъ всѣхъ еврейскихъ ученыхъ города Р. неимоверными успѣхами въ изученіи талмуда. Къ одиннадцати годамъ курсъ его ученія былъ совершенно оконченъ, такъ что онъ былъ въ состояніи вступать въ диспутъ со всѣми знаменитостями ученаго міра города и одерживать надъ ними побѣды.

Такой феноменъ не могъ оставаться долго въ безвѣстности. Богатый дядя, у котораго онъ воспитывался, гордился имъ и позаботился о немъ, какъ о родномъ сынѣ. Слѣдствіемъ было то, что моего бѣднаго отца въ двѣнадцать лѣтъ женили на дочери знаменитѣйшаго и бѣднѣйшаго раввина во всей губерніи.

О тѣлесныхъ и душевныхъ качествахъ первой супруги моего отца исторія умалчиваетъ; извѣстно только, что отецъ мой, не видѣвъ назначенной ему спутницы жизни до втораго дня свадьбы¹⁾, нашелъ ее, при дневномъ свѣтѣ, не слишкомъ соблазнительною. Спустя нѣкоторое время, онъ не могъ скрыть своего горя и не-

¹⁾ Партіи у евреевъ составлялись, и у большей части составляютъ до сихъ поръ, слѣдующимъ образомъ: записные сваты (шадхенъ) по профессіи сводятъ родителей жениха и невесты, и дѣло улаживается безъ спроса дѣтей. Женихъ и невеста не видятъ другъ друга до послѣ-вѣнчанія. Нерѣдко случалось, что новобрачные дѣлме недѣли или мѣсяцы дичились другъ друга, несмотря на близость своихъ супружескихъ отношеній.

вольно высказался одному изъ своихъ друзей, принадлежавшему къ хасидимской школѣ. Въ отвѣтъ онъ получилъ слѣдующій выговоръ въ свое утѣшеніе:

— Смотри, Зельманъ! Ты поддаешься вліянію дьявола-искусителя. Ты ропщешь на Бога именно за то, за что истинный служитель Его долженъ-бы благодарить и восхвалять. Будь твоя жена красивѣе и привлекательнѣе, она отвлекала-бы тебя отъ молитвы и благочестиваго служенія, а съ такою женою, какъ твоя, ты можешь остаться чистымъ душою и тѣломъ.

Послѣ такого отвѣта отецъ мой твердо рѣшился таить свое горе отъ всѣхъ. Между тѣмъ богатый дядя его, единственная поддержка его существованія, лопнулъ на какихъ-то подрадахъ и, въ довершеніе горя, умеръ, не оставивъ ничего, кромѣ неоплатныхъ долговъ и казенныхъ взысканій. Необходимо было серьезно подумать о средствахъ къ жизни, тѣмъ болѣе, что Богъ благословилъ уже отца моего дочерью. Отецъ мой ни къ чему не былъ приспособленъ, кромѣ преподаванія талмудейской мудрости. И вотъ онъ въ пятнадцать лѣтъ сдѣлался меламедомъ.

Сколько я могъ заключить изъ разсказовъ отца, профессія эта ему очень надобла. Это была вѣчная возня съ учениками, которые были гораздо старше учителя и не уважали его, по той простой причинѣ, что не боялись его физической способности отпугивать назидательныя пощечины. Онъ ясно видѣлъ всю бесплодность своихъ трудовъ и грубость умственныхъ способностей своихъ почти бородатыхъ уже питомцевъ. Въ домашнемъ быту онъ терпѣлъ крайнюю бѣдность. Въ женѣ онъ встрѣтилъ сварливую и вѣчно воркующую голубку съ ястребинымъ клювомъ. Одно развлеченіе заключалось въ талмудейскомъ ученіи, которому онъ и предался всей душой. Но все не прочно подъ луною. Однажды, порывшись въ скудной библіотекѣ, наслѣдованной имъ отъ покойнаго дяди, онъ нечаянно наткнулся на книгу Маймонида ¹⁾, и хотя по уставу хасидизма книга эта считается запрещенною, но отецъ не могъ преодолѣть любопытства, унесъ книгу тайкомъ въ свой хедеръ и съ жадностью принялся ее изучать.

¹⁾ Маймонидъ — еврейскій ученый, мыслитель, философъ, медикъ и теологъ. Его сочиненія, по всѣмъ исчисленнымъ частямъ, такъ противорѣчивы, что читая одно, полагаешь имѣть дѣло съ вольнодумцемъ, тогда какъ въ другомъ сочиненіи онъ — ярый поклонникъ талмуда. Ставя его на степень великаго авторитета, хасидимы вмѣстѣ съ тѣмъ, презираютъ нѣкоторыя изъ его сочиненій, болѣе разумныя. Хасидимы утверждаютъ, что Маймонидъ передъ смертію покаялся въ своей ереси.

Незамѣтнымъ образомъ даръ мышленія, спавшій въ немъ, какъ казалось, непробуднымъ сномъ, пробудился, и мало-по-малу различныя сомнѣнія выросли въ головѣ. Но въ книгѣ Маймонида все-таки многое оставалось недоступнымъ отцу моему, и требовались хоть первоначальныя, поверхностныя познанія въ математикѣ и астрономіи, то-есть въ такихъ наукахъ, которыя были знакомы отцу моему по одному лишь еврейскому ихъ названію. И вотъ онъ твердо рѣшился познакомиться съ этими предметами, на-сколько возможно будетъ.

Чтобы не предаваться слишкомъ большимъ подробностямъ, я вкратцѣ скажу, что послѣ неимоверныхъ трудовъ и удачныхъ случайностей отцу моему посчастливилось достать старинныя еврейскія книги по части математики и астрономіи и онъ на изученіе ихъ бросился съ невыразимою жадностью.

Онъ постигъ, что солнце восходитъ и заходитъ не для одного опредѣленія часа молитвы, что луна всплываетъ на горизонтѣ не для того только, чтобы къ ней подпрыгивать ¹⁾, что человѣческая голова создана не для одной ермолки. Новый рядъ идей, родившихся въ его головѣ, поглотилъ всѣ его способности; новый яркій свѣтъ, озарившій его умъ, придалъ блескъ окружающей его грязноватой обстановкѣ. Ученики перестали ему казаться глупыми, а домашній бытъ—горькимъ. Въ немъ создавался новый міръ и онъ всѣми чувствами и всѣмъ чутьемъ души прислушивался къ процессу собственного возрожденія.

Недолго, однакожъ, суждено было бѣдному отцу моему блаженствовать. Внутренніе помыслы человѣка невольно вырываются по временамъ наружу и разрываютъ плотину внутренней замкнутости, какъ-бы крѣпка она ни была. Въ диспутахъ моего отца вырывались иногда такія мысли и выраженія, которыя были совершенно чужды талмудейскому и хасидимскому ученіямъ. Даже съ своими учениками онъ при удобныхъ случаяхъ отдалялся отъ прямого

¹⁾ При каждомъ новолуніи, евреи въ одиночку, а чаще десятками и цѣлыми обществами, творятъ молитву, всматриваясь въ луну. Между прочимъ, подпрыгивая, они произносятъ слѣдующую фразу: «Прыгая не достигаемъ тебя (луна); такъ да не достигнуть насъ враги наши». Обычай этотъ, отъзывающійся нѣкоторымъ идолопоклонствомъ, сложился въ честь луны потому, что она играетъ весьма важную роль при вычисленіи еврейскихъ праздниковъ. Надобно предполагать, что въ тяжкія времена для евреевъ, когда всякая ночь угрожала имъ рѣзней и грабежомъ, среди самыхъ многочисленныхъ городовъ, равнины ухватились за этотъ обычай, чтобы хоть разъ въ мѣсяцъ собирать толпы евреевъ для общей охраны и защиты, а потому и упоминаются въ той молитвѣ «враги».

предмета преподаванія и объяснялъ имъ значеніе и законы новолунія, причины затмѣній и тому подобное. Въ своемъ забытїи онъ не замѣчалъ той пропасти, которая образовалась мало-по-малу вокругъ него; не замѣчалъ возраставшей холодности своихъ прежнихъ друзей и подозрительныхъ пріемовъ родителей своихъ учениковъ, число которыхъ съ каждымъ днемъ уменьшалось подъ различными предлогами. Онъ уже тайно обвинялся въ эпикуреизмѣ ¹⁾, и катастрофа подкрадывалась къ нему все ближе и ближе.

Въ одну изъ пятницъ, вдругъ, самымъ неожиданнымъ образомъ, притащился на одноколей тестъ отца моего, знаменитый раввинъ города Х. Раввинъ этотъ родился, учился, достигъ высокаго сана и состарѣлся въ родной норѣ, выѣзжая изъ своего городка всего раза два втеченіи семидесяти лѣтъ жизни, и то въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ. Въ этомъ дряхломъ фанатикѣ содержалось болѣе стоицизма и пренебреженія къ жизни, чѣмъ въ цѣлой дюжинѣ самыхъ сумасбродныхъ факировъ. Его внезапный прїѣздъ, натуральнымъ образомъ, возбудилъ много толковъ въ городѣ Р. Послѣ холоднаго, истинно-раввинскаго привѣтствія, гость, не сообщая никому о цѣли своего посѣщенія, отправился въ баню. Возвратившись оттуда раскраснѣвшимися донельзя, съ пейсами и бородою, похожими на мочалки, онъ, не говоря ни слова, переодѣлся въ субботнее платье и побѣжалъ въ синагогу ²⁾. Цѣлый вечеръ затѣмъ и весь день субботный онъ былъ такъ поглощенъ различными религіозными обрядами ³⁾, такъ былъ погруженъ двойною

¹⁾ Подъ эпитетомъ *эпикурецъ* евреи не подразумѣваютъ человека, предававшегося исключительно наслажденіямъ жизни, а того, который позволяетъ себѣ какое-бы то ни было сомнѣніе относительно какой-бы то ни было талмудеиской негѣпости. Встрѣчается очень много субъектовъ, прослывшихъ между евреями эпикурейцами, которые пытаются лукомъ, молятся чуть-ли даже не во снѣ и постятся, какъ истые аскеты.

²⁾ Выраженіе *побѣжалъ* надобно понимать въ буквальномъ смыслѣ. По религіозному настольному кодексу евреевъ, называемому Шулхенъ-Орухъ, въ синагогу надобно бѣжать, изъ синагоги-же должно идти медленно, мелкими шагами, показывая тѣмъ крайнее нежеланіе отдаляться отъ мѣста молитвы. Поклоны въ синагогѣ надобно совершать, нагибаясь быстро и разгибаясь медленно, постепенно.

³⁾ Евреи вообще, а по субботамъ и праздникамъ въ особенности, имѣютъ столько молитвъ и гимновъ на каждомъ шагѣ, при каждомъ дѣйствіи, что имъ почти не остается времени для самихъ себя. Они жуужаютъ какъ мухи цѣлые дни и вечера: утромъ натошакъ, передъ трапезой, во время трапезы, послѣ каждаго блюда, при каждомъ глоткѣ, передъ окончаніемъ ѣды, по окончаніи ѣды, передъ вечеромъ, вечеромъ передъ сномъ и проснувшись ночью.

своей душою ¹⁾ въ небесныя созерцанія, что отцу моему рѣшительно не было возможности подступить къ нему съ разспросами. Да и было-бы напрасно его разспрашивать: этотъ святой по субботамъ даже не разговаривалъ о житейскихъ вздорахъ ²⁾ и вообще не выражался будничнымъ языкомъ ³⁾. Тѣмъ не менѣе отецъ мой не могъ не замѣтить какой-то скрытой перемѣны въ обращеніи дражайшей своей половины и какой-то холодной злобы со стороны святого теста, выразившейся въ частыхъ косвенныхъ взглядахъ и мурлыканіи.

Насталъ часъ таинственной трапезы ⁴⁾, послѣдней въ день субботный. Къ пріѣзжему гостю собрались всѣ знаменитости кагала города Р. и всѣ ученые хасидимы. Съ нетерпѣніемъ ожидали проповѣди знаменитаго пріѣзжаго ⁵⁾, но, къ удивленію общества, раввинъ упорно молчалъ.

Одинъ изъ собранія не вытерпѣлъ и съ робостью обратился къ раввину.

— Раби! мы всѣ, сколько вы насъ видите, собрались удостоиться вашего привѣтствія и имѣть счастье услышать одну изъ проповѣдей вашихъ, которыя такъ знамениты между дѣтьми Израіля. Наши уши не пропустятъ ни одного изъ драгоценныхъ словъ великой Торы.

¹⁾ Талмудъ увѣряетъ, что евреи по субботамъ получаютъ свыше добавочную душу, которая не оставляетъ еврея до окончанія субботы. Эти души—дармоѣды, состоя цѣлую недѣлю въ резервѣ, безъ всякаго занятія, заѣдаютъ бѣднаго еврея по субботамъ, удваивая его аппетитъ.

^{2, 3)} Многие раввины и вообще ученые ортодоксы по субботамъ и праздникамъ ни о чемъ не говорятъ, кромѣ о торѣ и талмудѣ, да и то считаютъ грѣхомъ выражаться на еврейскомъ нѣмецко-руско-польскомъ жаргонѣ, а переводятъ экспромтомъ все на древне-еврейскій языкъ, который немилосердно коверкаютъ.

⁴⁾ Талмудъ отечески позаботился объ евреяхъ, выкинувъ во всѣ подробности ихъ жизни. Онъ даже позаботился опредѣлить число трапезъ субботнихъ. Талмудисты предполагали опредѣлить только три трапезы для дня субботы, но явился талмудистъ раби Хидка и настоялъ на томъ, чтобы опредѣлить четыре трапезы. Трапеза въ субботу, предъ захожденіемъ солнца, называется таинственною, вѣроятно потому, что она назначена для добавочной души. Замѣчательно, что этотъ благотѣльный раби Хидка всего одинъ разъ является на талмудейской сценѣ, и именно когда дѣло идетъ о ѣдѣ, и затѣмъ исчезаетъ навсегда.

⁵⁾ На таинственную трапезу собираются евреи преимущественно къ мѣстному или пріѣзжему раввину, который во время трапезы проповѣдуетъ. Проповѣдь эта не заключаетъ въ себѣ никакихъ нравственныхъ наставленій слушателямъ, а состоитъ лишь изъ выдержекъ изъ каббалы, сплетенныхъ съ библейскими текстами и талмудейскими комментаріями.

Не скоро послѣдовалъ отвѣтъ. Наконецъ, раби отняли руку, которая упиралась о его широкій лобъ, и сдвинулъ собою шапку на затылокъ.

— Братья мои, дѣти Израиля! мой духъ помраченъ, моя душа покрыта пепломъ скорби. Я скорблю за святую вѣру праотцевъ нашихъ. Гнѣва божьяго дрожу я за себя и за васъ, дѣти мои. Между нами эпикуреецъ, нечестивецъ, союзникъ діавола. Ангелы свѣта убѣгаютъ его! Сторонитесь, убѣгайте и вы его! онъ оскверняетъ насъ, онъ дышетъ заразой, какъ моровая язва.

При этомъ возгласъ все общество взволновалось и невольно отшатнулось, полагая увидѣть какой-нибудь призракъ бродячей души проклятаго грѣшника.

— Раби Кельманъ, раби Цудекъ, раби Мееръ! продолжалъ старикъ: — укажите дѣтямъ Израиля этого зачумленного эпикурейца, какъ вы указали мнѣ его вашимъ благочестивымъ письмомъ, за которое да благословить васъ Господь.

Въ одно мгновеніе, какъ-бы по командѣ, три правыя руки сомнительной опрятности, принадлежащія тремъ доносчикамъ, прицѣпились прямо въ лобъ бѣднаго моего отца.

Въ ухахъ отца моего раздался залпъ, какъ-будто изъ нѣсколькихъ орудій; въ глазахъ у него потемнѣло, и затѣмъ засверкали цѣлыя міриады огненныхъ искръ, и какое-то невыразимо-колющее ощущеніе почувствовалось въ правой его щекѣ. Впослѣдствіи отецъ узналъ отъ очевидцевъ, что въ тотъ моментъ, когда руки трехъ уличителей протянулись къ его лбу, костлявая рука святого его тестя съ быстротою молніи низверглась на щеку обвиненнаго и плотно уложила на ней полновѣсную, трескучую пощечину.

Что происходило съ отцомъ моимъ до утра слѣдующаго дня, то-есть подробности изгнанія его изъ собственного дома и немилосердіе всего еврейскаго общества къ мнимому отступнику вѣры, я описывать не стану. Конечно, будь другой на мѣстѣ отца, онъ скорѣе вцѣпился-бы въ бороду своего тестя, хоть-бы она была въ десять разъ святѣе, и вышвырнулъ-бы весь хасидимскій сбродъ изъ дома, чѣмъ оставилъ-бы самъ свой кровъ и свою семью; но отецъ мой, почти ребенокъ, забитый своимъ исковерканнымъ воспитаніемъ, слабый здоровьемъ, болѣзненный отъ постоянного умственнаго напряженія и отъ сидячей жизни, безъ воли и энергіи, не могъ вступить въ такую неравную борьбу. Его вытолкали изъ дому и онъ всю ночь напролетъ бродилъ по грязнымъ улицамъ города, и лишь утромъ, пріютивъ окоченѣвшіе свои члены въ небольшой молельнѣ, погрузился въ тяжелый и неспокойный сонъ.